

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

● Мария Биешу.

Фото Л. Калинин.

люди искусства

КАК ТЯЖЕЛО ЖИВЕТСЯ ПТИЦАМ...

— Нет, вы послушайте, люди хорошие, что дочь выдумала — в артистки! — мать с венником в руках бегала за негодницей вокруг дома. Отец, хотя и не выражал негодования столь бурно, приговаривал: «Земля нас держит, Мария, земля... Никуда от нее не уйдешь!».

Она и сегодня, став уже известной всему миру Марией Биешу, с грустью вспоми-

нает, как в штыки была встречена родителями ее большая радость — приняли в консерваторию! Но что их винить? Им, простым сельским труженикам, всегда ведь казалось, что все, не связанное с землей, с зорями, встречаемыми и провожаемыми в поле, — труд не настоящий. А петь — и подавно одно развлечение, забава.

А. КУРЖИЯМСКАЯ

нает, как в штыки была встречена родителями ее большая радость — приняли в консерваторию! Но что их винить? Им, простым сельским труженикам, всегда ведь казалось, что все, не связанное с землей, с зорями, встречаемыми и провожаемыми в поле, — труд не настоящий. А петь — и подавно одно развлечение, забава.

Да разве только они так думали! Сколько еще людей и вправду считают, что жизнь актера — сплошной фейерверк, что путь в искусство устлан розами! Может быть, оттого, что мы замечаем внешнюю, эффектную, красивую сторону. Слышим аплодисменты, видим цветы, что преподносят артистам. Немногим дано и доступно узнать и другое.

Конечно, и ее путь в искусство выглядит стремительным восхождением на Олимп. Сельскохозяйственный техникум и занятия в самодеятельности, консерватория и работа в народном ансамбле «Флуераш», победа на художественном конкурсе Всемироного фестиваля молодежи и студентов и кишиневская оперная сцена, лауреат III конкурса имени Чайковского и звание лучшей в мире Чио Чио Сан, привезенное с Первого международного конкурса исполнительниц партии Баттерфляй в Токио. Певица, любимая и почитаемая публикой. Депутат Верховного Совета СССР, народная артистка СССР. Казалось бы, даже после этого беглого перечня успехов так странно звучат ее слова (уж не кокетство ли это?). Она как-то сказала мне: «Если бы кто знал, сколько приходится певцу работать, отказываться от очень многого, приятного в жизни. Если бы зрители хоть на минуту представляли себе это, они иначе относились бы к актеру и вообще к искусству». И добавила: «Когда я слышу комплименты: «поет, как птица», я думаю, как тяжело живется птицам!».

Мы часто просто не задумываемся о том. Мы смотрели спектакль, слушали оперу — в нас пробудило

ет свои чудодейственные силы...

Как-то я спросила ее о самом заветном. Она мне сказала: «Наверное, петь хорошо. Петь всегда хорошо, приносит людям радость. Чтобы, слушая музыку, они забывали о мелочности, чтобы, отключившись от житейских дел и забот, вместе со мной пели бы и переживали вместе со мной ту трагедию или ту радость...».

Помню один из ее приездов в Москву. «Чио Чио Сан» в Большом. Была музыка Пуччини, полная драматических взрывов. Была во всем внешнем облике мадам Баттерфляй — Биешу, в том, как она двигалась, держалась на сцене, сдержанность, так свойственная японцам. И только голос, как рвущаяся на волю раненая птица, не мог скрыть и сдержать боль сердца, не перенесшего предательства, измены, разлучения с сыном.

А на следующее после спектакля утро она мне сказала: «Вчера я просталась на сцене с сыном, как будто навсегда, если бы у меня был свой собственный. Тот, кто волнует публику, всегда вкладывает в исполнение и свою долю жизни. То ли это неудачная личная судьба, то ли потеря близкого. То ли, не знаю, но что-то обязательно личное. Я так часто умираю на сцене. Обидно — хочется по-настоящему плакать, словно это и в самом деле случается со мной. А потом хожу после спектакля, как убитая, как будто у меня горе... Говорят, это расточительно — вот так выкладываться до конца на каждом спектакле. А если играть только на эффекте? Нет, не могу!».

Она и в самом деле часто «умирает» на сцене. Гибнут Тоска, Чио Чио Сан, Лиза, Недда...

Можно ли сказать оперой сверх того, что в ней заключено? Операми, хорошо знакомыми публике и даже иногда запетыми чуть ли «не до самых дыр»? Способна ли такая опера, отдаленная от дня сегодняшнего и временем, и пространством,

а значит, и суммой заключенных в ней мыслей и чувств, что волновали людей той эпохи, когда она появилась, способна ли найти точки соприкосновения с миром дум и чувств нашего современника? Или и вправду мы идем в театр, чтобы насладиться музыкой, прекрасным голосом певицы, блестяще отделанными фиоритурами и снисходительно глядеть со стороны на сцену, на условный мир переживаний оперных героев?

Можно много говорить о том, как Мария Биешу лепит каждый свой сценический и вокальный образ, какие краски всякий раз находит порывистой красавица Тоска или нежная, как цветок, и хрупкая Чио Чио Сан. Это действительно интересно, и это требует специального разговора. И все-таки кажется, что оперные партии, слетевшие Биешу на нашей и зарубежной сцене, слагаются в один собирательный образ — многогранный человеческий характер, очень понятный и близкий сегодня людям. Потому что ищет она контакта с ними в человеческом плане. Потому что, обращаясь к нам, сидящим в зале, заставляет подумать о самих себе, о своей жизни, о своем отношении к другим людям, заставляет говорить голос нашей собственной совести.

Как ей это удается — уже другой вопрос. Может быть, как раз своим расточительством — «выкладываться» до конца на каждом спектакле. А может быть, еще чем-то другим, что мы зовем «искрой божьей». Но, несомненно, освещено это прекрасным знанием того, что сегодня нужно людям, которым несет она свое искусство.

Как только машина не свалилась в кювет — ехать на такой скорости! Она была у своих избирателей, в Дондюшанском районе, что в двухстах километрах от молдавской столицы. Слушала их наказы, старательно записывала просьбы. Детский садик открыть, окна застеклить в клубе. А потом подошли к ней за просто, каждый со своим — с радостью и с печалью. Далеко за полночь все не расходились. Говорили и об искусстве, чтобы, посвятив себя опере, не забывала все-таки и народную музыку. Смеялись, шутили. Не знали, что поджидает ее дома горе. Она так и не успела застать в живых отца, рассказать, как тепло прошла встреча, каким душевным теплом ее одарили люди... Она не успела, как положено, и проводить его в последний путь: надо было лететь в Японию — открывать по традиции очередной конкурс исполнительниц Баттерфляй. Хорошо, что шел дождь и никто не заметил ее слез, смешавшихся с дождем, когда она пела на могиле Миуры Тамаки. И надо было казаться веселой, жизнерадостной, носиться по «ЭКСПО», как фейерверк, когда глаза застилала печаль. Она как-то бросила: «Мы, артисты, как паяцы. Никогда не принадлежим самим себе».

Нет, не забуду впечатления, которое осталось от того дня, когда я ее впервые увидела. Но не на сцене. В московском доме одной известной певицы. Так не похожа была Мария Биешу на привычно сложившийся облик оперной примадонны. Простая, приветливая, чуткая. А прощаясь, она долго желала здоровья и добра и поклонилась, как посылают поклон земле люди земли. Такая не позавидует чужому счастью, а порадуется ему. Такая и печаль чужую примет к сердцу, как свою.

Мне она сказала как-то: «Ноги целовать могу певцу, который своим искусством волнует мою душу. Для меня это не будет унижением, нет. Я многих обожаю — у каждого есть свое хорошее. Говорят нередко: «Как ты можешь!» — она же тебе конкурентка!» И хорошо, — отвечаю я, — значит, и мне есть чему учиться, к чему стремиться. В советской действительности люди должны быть добрее, относиться к другим, как к себе. Так я считаю. И призываю всех к этому».

А придя домой, я снова вспомнила книгу о Полине Виардо, о которой мы много говорили в тот вечер (бывает же так!): включив радио, услышала передачу, построенную на письмах знаменитой певицы к Тургеневу. И звучало в ней приводимое Виардо древнее высказывание: «Если ты служишь муже, ты должен служить ей и никому другому». А мне подумалось: и это о Марии Биешу, всю жизнь свою отдающей искусству. А значит — людям.